

ДОБРЫЙ СОКРОВИЩЕ

№ 357 6 февраля 2026 г.

По благословению Преосвященного Ионафана, Архиепископа Абаканского и Хакасского

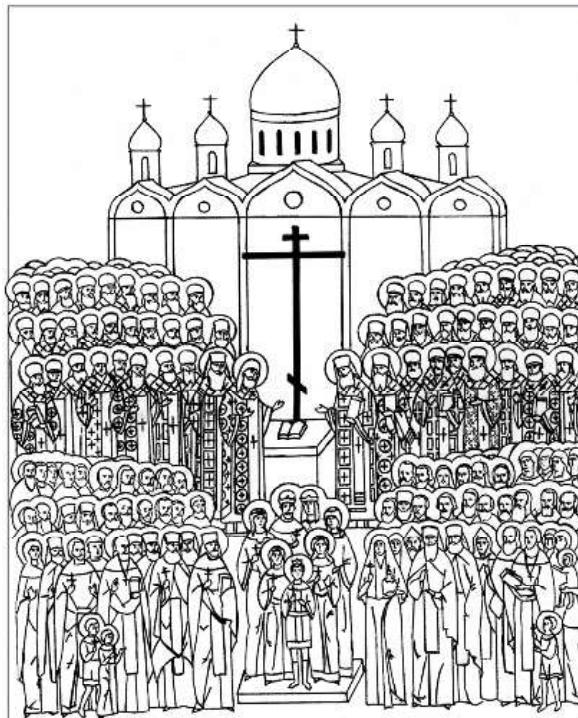
ПОСТ НОВОМУЧЕНИКОВ

Листая заметки о новомучениках, штудируя их поучения о постном делании, я встретил кое-что невероятно важное. Было очень интересно узнать, как эти люди, ставшие непоколебимым основанием современной Церкви, совершали свой постный подвиг в условиях гонений, притеснений, пребывая в далеких ссылках, находясь вне всякого комфорта и удобств. Что же они ели? Как переживали лишения, выпавшие на их долю? И о чем на самом деле болела их истрепанная, израненная клеветой и унижениями, но не потерявшая человечность и веру душа? Ответы на эти вопросы, как мне показалось, могут стать хорошим подспорьем в преодолении искушений Великого поста, ведь новомученики вдохновляют! Это действительно так! Я получил, что искал, и даже больше того.

Их пост прост – они любили: отдавали последнее нуждающемуся и не ждали ничего взамен; они терпели голод и холод так смиренно, что у них оставались силы поддерживать тех, кто их окружал; они молились, больше и плаченнее, чем мы можем себе представить, и имели одно упование – Христа. Господь не оставлял их, и через них – Свою Церковь. Голодные и ослабленные, они не покидали страждущих, не отворачивались и от сытых. Жития новомучеников учат: каждый, кто находится перед нами, – Сам Христос, а значит, послужить тому, кто рядом, – правое дело. Их пост – особенный и неповторимый, ибо он был вопреки здравому разуму. И до конца, до самой смерти, они следовали ему, как учили отцы, великие наставники христиан всех времен, и Сам Господь: мера постного труда новомучеников выходила далеко за пределы голода и жажды. Потому-то

их постный подвиг и стал особым наследием, устным поучительным преданием и нужным нам, их наследникам, образцом: пора у них поучиться, на примерах их житий увидеть собственные ошибки и подтянуть «хвосты», чтобы сдать свой экзамен

Богу, как полагается прилежному ученику. Но едва ли подвиг, которым стала вся их жизнь, удастся повторить. Хотя никто не знает, что уготовил нам Господь... Может, и нас, как некогда новомучеников, Бог исполнит ангельской силой, терпением и вдохновением, и через эти качества благословит полюбить ближнего, утешить малознакомого или подтолкнет простить врага не только словом, но и делом. Вера новомучеников, их готовность жить по Евангелию в недалеком прошлом освятили нашу веру, и в храмах с новой силой возно-

сятся молитвы, а люди вспоминают, перечитывая их жития, что такое подлинное, христианское и добре.

Их пост прост – они любили: отдавали последнее нуждающемуся и не ждали ничего взамен

Но самое сильное впечатление, которое подтолкнуло обдумать и переосмыслить всю духовность в принципе, оставила небольшая, но емкая статья Анны Медведевой «Царскосельские святыни», приуроченная к празднованию 300-летия Царского Села. В ней описывается история, чудотворные иконы и особый дух святого места, ставшего колыбелью совершенной молитвы, созерцательной, общинной жизни и по-апостольски деятельной, бесстрашной Церкви. Царское Село стало школой истинной веры нашего народа, окончив которую, христианин принимал только одно решение: жить с

Богом и ради Него. Давайте всмотримся, и дай Бог нам прозреть и увидеть самую соль царскосельских событий, давших толчок к праведной жизни тем христианам, которые были обречены страдать от мира, но обрести радость, счастье и свой «будущий век» во Господе.

Святыня... Что первым делом приходит на ум, когда мы слышим это слово? Размышляя о чем-то особенном, благодатном и способном чудесным образом преобразовывать поврежденные грехом человеческие дух и плоть, воображение чаще всего рисует нам святой источник, мироточивую икону или благодатные мощи святых. Однако мощи великих угодников, прославленных Церковью, представляются нам не столько живыми людьми, сколько неотъемлемой частью храмов: такой, как стена или престол. Мощи великих святых почивают в своих ковчегах так давно, и от них случилось столько чудес, что мы забываем об их происхождении: они такие же люди, как мы, с одной только разницей – они ответили Богу на Его приглашение, избрали Его Евангелие и были верны Господу во всем и всегда. Потому еще при жизни по их ходатайству исцелялись болезни, отходила беда и дождем сдабривалась урожай. Но они – далекое прошлое: едва ли мы позволим себе увидеть в них себе подобных.

Новомученики видели тот же мир, ту же цивилизацию, знали о жизни то же, что и мы. Они говорили на таком же языке

Новомученики же воспринимаются нами совершенно иным образом. Они видели тот же мир, ту же цивилизацию, ту же медицину (пускай и в момент ее зарождения) и знали о жизни то же, что и мы. Они говорили на таком же языке. И познавали как науки, так и житейские горе и радость, полезное и вредное, добро и зло точно так же, как и мы. Они знали, что избегнут мучений, если откажутся от веры. Они знали, что не умрут, не будут замучены и казнены, если снимут крест и прилюдно усомнятся в Благой вести. Им обещали работу, достаток и покой: любой хитростью их пытались склонить к предательству Самого Бога! Понимая, что они потеряют не только социальное положение, не просто крышу над головой, уважение родственников и преданность друзей, но лишатся со временем возможности даже дышать, они тем не менее выбирали жизнь вечную. Одно только это, если подумать хорошошенько, обличает наши воззрения и вдохновляет наконец-то перестать договариваться с совестью и желудком, но погрузиться в молитву, в богослужения и служение ближнему. Новомученики выбрали Правду, как это делали апостолы, мученики первых веков и умнейшие пастыри, оставившие многотомное наследие поучений. Как святитель Иоанн Златоуст, они умирали в ссылках; как святой Серафим Саровский, они прощали обидчи-

ка; как святитель Спиридон Тримифунтский, они не имели ни гроша, зато имели веру, а ей обретали спасение.

Стиль, которым описывают подвиги «давних святых», отличен от языка, так просто и незамысловато повествующего о новомучениках: читая жи-

тия святых новейшей истории, мы реже встречаем чудеса, но чаще – факты, собранные из их ответов на допросах и их слов при казни. Церковь таким образом являет нам пример стойкости и упования, которыми обладали новомученики, дабы и мы в случае страшного остались непоколебимы. Возможно, потому-то о них слишком мало говорят: род наш только одного и ищет – чуда.

Святой – это тот, кто осознает, что предательство веры – не только личный ад, но и соблазн для многих верных

Однако «Царскосельские святыни» – это не столько храмы и читимые иконы, сколько избранные люди Божии. Человек, который страждет, сомневается и выбирает, – это мы. Человек, который выбрал и понимает свою ответственность, цену отречения и пророческим даром предвидит плоды отступничества в вечной жизни, – это полнота Церкви. И центр – это человек, который стал святыней: для него важнейшее – не от мира, а мир – лишь дар

и испытание, поле для добродетели и место для подвига. Человек-святыня, или святой, – это тот, кто понимает цену собственной слабости; осознает, что предательство веры – не только личный ад, но и соблазн для многих верных.

Погибель обрести просто: стоит только принять безбожное мировоззрение, променять обители рая на трудовой покой – и все. Служение плоти прямо отличается от службы Богу. Граница, отделяющая одно от другого, – не явная: мы забываем о вечности, ибо она сложна для понимания. Погибель – плод мгновения: не выдержал, сказал слово – и отверг Евангелие. Погибель – это слабость, которую в то смутное время мог позволить себе испуганный и смущенный народ. Но новомученики были важнейшим и необходимым противовесом страшнейшего греха! Они пример стойкости и олицетворение истинно правильного образа жизни. Они те, кто был поставлен на высокое место, дабы многим показывать Путь. Онишли до конца: не только ради стяжания вечной жизни, но и ради спасения многих тысяч и миллионов верных. Православный равнялся на святых в ные времена, подражая их словам и отвечая на их призывы, а во времена гонений люд Божий сохранил верность Церкви только благодаря им, страдающим братьям по вере. Откажись от Бога митрополит Петр (Полянский), предай своих сомолитвенников Татьяна Гrimblit, остановись молитва митрополита Владимира (Богоявленского), – весь мир оставил бы Священное Писание и принял учение

Маркса. Об этом факте мы, мирской суетой отвлеченные от главного, забываем. А Церковь – это когда один за всех и все за одного. И ради Него. Это когда даже одним только человеком-святыней спасается целый мир, ибо ради его непорочной жизни и ее плодов, ради его добродетельной проповеди и призыва к верности Церкви Бог откладывает всеобщий конец. Новомученики это осознали. И были со всеми единым организмом, где каждый по дарам и силам своим служил Богу и людям с любовью и пониманием.

«Царскосельская святыня» – это человек. «Царскосельская святыня» – это протоиерей Иоанн Кочуров. Он был молитвенником, учителем (в прямом смысле тоже – он преподавал в православных школах) и отцом своих детей. Он был слугой для слуг, исполняя завет Христов, и потому удостоился быть первой твердыней Божией в годину безбожной тревоги. Без своеолия, но в согласии с настроением вверенной ему общины, не с огнем и мечом, но с молитвой и проповедью покаяния он отправился в крестный ход. Для его сослужителей и мирян, честно просивших у Бога мира и прекращения братоубийственной вражды, этот подвиг так и остался крестным ходом, а протоиерей Иоанн Кочуров обрел свой крестный путь. Предлагая примирение враждующим, отстаивая идеалы любви и взаимопонимания, он был отведен на место казни, где с изdevательствами был убит. Его смерть имела еще одно сходство с евангельской историей: об одежде священномученика Иоанна безбожные палачи метали жребий. И еще у него, мертвого священника, украли наперсный крест. И тем не менее его смерть – это пример тысячам праведников. Глядя на его святую жертву, Русь православная не отступила от Бога и сберегла свою сердцевину – веру в Святую Троицу.

Итак, новомученики – это живые святыни, которые вышли из нашего рода: мы с ними одной плоти и крови. Их пример – повод не увиливать, но решить всем нашим существом, раз и навсегда, кому мы все-таки служим – Богу или мамоне. Они непоколебимый урок для тех, кто еще колеблется: бери и верь, не думай, а только верь. Они твердое назидание и призыв жить со Христом и не бояться быть собой вопреки насмешкам, клевете и изгнаниям. Они учат нас всегда, до самого конца доверять Богу, верить в Бога и с Ним пройти, не поддавшись, любое искушения.

Новомученики – это невероятно точная иллюстрация веры нашего народа в единую святую, соборную и апостольскую Церковь, в поддерживающих объятиях которой они шествовали по тропам, крайне сложным и неудобоходимым, но жертвенным и очищающим; тропам, некогда проложенным пророками, благословленным и освященным Иису-

сом Христом, пропитанным Его кровью и кровью Его преданнейших учеников, положивших жизнь свою ради проповеди Евангелия, ради Самого Господа и живших в смиренном служении ближним. Эти пути не слишком заметны в суете мира, в развлечениях, в гонке за первенством в ремесле или торговле, при удовлетворении властных амбиций или при иных удаляющих от Царства Небесного утехах. Но эти тропы становятся единственной дорогой, лестницей, возводящей к Троице, для тех, чье сердце готово, кого призвал Господь и кто ответил Ему. Для христиан это тропы святости, примирения и покаяния: не только во имя личного подвига, но ради всех, кто так нуждается в помощи Божией.

Новомученики упраздняют пропасть между нами и известными святыми далеких веков, очеловечивая их

Новомученики – это не подспорье, склоняющее нас все же попоститься. О нет! Новомученики – это ликующее торжество духовности, ведь они предали весь материализм разом. Новомученики – это люди, которые жили совсем недавно; это люди, которые вошли в обитель Бога, и это те, кто жив и ныне, – об этом свидетельствуют их чудеса. Новомученики – это ключ к пониманию того, кого называют святым: они упраздняют пропасть между нами и известными святыми всех веков, очеловечивая их. Новомученики – это образ, икона и источник благодати, нашей веры, любви и единства. Потому, глядя на них, можно вдохновиться к соблюдению поста: не ради себя – ради всех. Глядя на них, можно научиться отдавать: нам завещалось любить и друга, и врага, а потому без различия, невзирая на условия, новомученики показали, как это осуществить, оставив нам пример. Они напомнили нам, как христиане способны делиться последним. Напомнили, что и разрозненное вполне возможно объединять, что и воюющее не так уж сложно примирить, если поверить. Нам, следующим за ними, знающим их как реальных людей, можно и самим быть такими же людьми. Новомученики говорят нам: можно и нужно выбрать Бога, искать прежде всего Царства Небесного, а все иное, нужное нам для Спасения, приложится. Вот суть поста и широта исповедничества – жить не ради себя, но ради всего Божьего мира. Вот та правда, которую мы забываем.

В конце хочу привести цитату из жития священномученика Иоанна Кочурова и надеюсь, что это размышление вдохновит вас, мои братия и сестры, изучить жизнь этого человека-святыни подробнее, как и жизнь многих-многих других православных, пострадавших за веру и Отечество.

«Некий петроградский корреспондент воспроизвел ужасающую картину мученической гибели отца Иоанна и последовавших за ней событий с допол-

нительными подробностями. «Священники были схвачены и отправлены в помещение Совета рабочих и солдатских депутатов. Священник отец Иоанн Кочуров воспротестовал и пытался разъяснить дело. Он получил несколько ударов по лицу. С гиканьем и улюлюканьем разъяренная толпа повела его к царскосельскому аэродрому. Несколько винтовок было поднято на безоружного пастыря. Выстрел, другой – взмахнув руками, священник упал ничком на землю, кровь залила его рясу. Смерть не была мгновенной. Его таскали за волосы, и кто-то предлагал кому-то «прикончить как собаку». На утро тело священника было перенесено в бывший дворцовый госпиталь. Посетивший госпиталь председатель Думы вместе с одним из гласных, как сообщает «Дело народа», видел тело священника, но серебряного креста на груди уже не было».

Последнее упомянутое корреспондентом трагическое обстоятельство, которое сопровождало мучническую смерть отца Иоанна, приобретает особый духовный смысл в связи с оказавшимися в каком-то смысле пророческими словами, произнесенными отцом Иоанном за 12 лет до своей кончины в далекой Америке при вручении ему золотого

наперсного креста во время чествования 10-летия его священнического служения. «Целую этот святой крест, дар вашей братской любви ко мне, – проникновенно говорил тогда отец Иоанн. – Пусть он будет поддержкой в трудные минуты. Не буду говорить громких фраз о том, что я не расстанусь с ним до могилы. Эта фраза громка, но не разумна. Не в могиле ему место. Пусть он останется здесь, на земле, для моих детей и потомков, как фамильная святыня и как ясное доказательство того, что братство и дружество – самые святые явления на земле».

Так благодарил своих сослужителей и свою пастырю отец Иоанн, не подозревавший о том, что именно молитва о ниспослании «братьства и дружества» русским православным людям в годину оскудения любви и милосердия в многострадальной России вызовет к нему беспощадную ненависть богоотступников, которые, лишив его земной жизни и сорвав с его бездыханного тела наперсный крест, не смогли лишить его нетленной славы православного мученичества» (из полного жития священномученика Иоанна Кочурова, пресвитера Царскосельского).

Иерей Никита Подлесный

«ВОЗЬМИ ОТ ЖИЗНИ ВСЕ»? ЧТО СКРЫВАЕТ САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ЛОЖЬ

Всем известен лозунг: «Живешь ведь раз. Бери от жизни всё». Его прогрессивный дух буквально витает в воздухе, ненавязчиво присутствует в нативной рекламе, дерзновенно провозглашается бизнес-коучами с больших сцен, подмигивает с постеров и шепчет на ухо в непростые моменты самоопределения. И очень многие действительно пытаются выдержать свою жизнь в этом ритме и жить «на всю катушку». Но под блестящей оберткой этого популярного девиза скрывается клубок опасных полуправд и откровенной лжи, лукаво эксплуатирующий человеческие слабости и ведущий не к расцвету, а к духовному и физическому исчезновению, а по факту – к нравственной и фактической гибели. О чем же на самом деле этот завуалированный манифест саморазрушения?

Девиз сознательно избегает конкретики, позво-
ляя каждому вложить в него свои, зачастую самые примитивные желания. Он притворяется универ-
сальным и глубоким, но на деле служит пустым сосудом для наполнения любым содержанием. Ведь под понятие «все» может подойти как «полезное», так и «вредное», «опасное», «запретное» и даже «чужое». Лозунг ведет к рискованному раз-

мыванию фундаментальных границ. Такие константы, как «добро и зло», «свое и чужое», «полезное и вредное», теряют свою четкость и значимость, слияясь в безликую массу «доступного». Он не просто игнорирует необходимость нравственного различия – он уравнивает возвышенное с низменным, вечное с временным, ставя, таким образом, между взаимоисключающими понятиями знак равенства.

Однако проблема не только в туманных формулировках. Человек морально дезориентированный увидит в этом девизе оправдание всех своих стра-
стей и зависимостей, законную возможность идти по пути наименьшего сопротивления. Ведь неспро-
стя развитие, достижение высот в познании, твор-
честве, отношениях, а тем более в духовно-нрав-
ственных вопросах требует титанических усилий,
дисциплины, умения отказывать себе в малом ради
большего, временном – ради вечного. Лозунг же
легитимизирует отказ от борьбы, от роста. Зачем
трудиться над собой, зачем преодолевать трудно-
сти, терпеть ограничения, зачем искать глубину,
если можно просто «брать» то, что лежит на по-
верхности и требует минимальных усилий? Это
философия потребительского паразитизма, ведущая

к нравственному обнищанию и внутренней пустоте. Страсти и пороки, оправдываемые этим лозунгом, не просто укореняются – они становятся хозяевами человека, медленно убивая в нем личность.

Зачем трудиться над собой, если можно просто «брать» то, что лежит на поверхности и требует минимальных усилий?

Другими словами: «Не можешь победить (страсть) – возглавь. Если нельзя, но очень хочется, то можно». Такие люди не принимают отказов, так как живут по принципу «Возьми свое», а потому любое «нет» воспринимают как вызов, как челлендж.

Потребительское общество предлагает бесконечные возможности для реализации желаний, при этом декларируя, что «хочу» автоматически оправдывает «могу». Человек перестает видеть ценность в самодисциплине, ведь внешний мир предоставляет ему иллюзию свободы через доступность: любые удовольствия, отношения, статусы – все можно купить, попробовать, заменить. Как говорится: «Вижу цель – не вижу (моральных) препятствий». Эта трактовка легче, примитивнее и доступнее. Лозунг, не предлагая критериев, по умолчанию скатывается к этой, самой приземленной и разрушительной интерпретации. Он подменяет идеал развития – идеалом потребления, открывая перед сластолюбцем широкий путь удовлетворения своих страстей и превращая его жизнь в набор ситуативных удовольствий.

Современная культура стимулирует этот механизм, объявив моральные запреты архаичными, а их нарушение – «естественным» правом. «Я заслужил это по праву», – думает человек, похищая чужое; «Это мое тело», – думает женщина, убивая неродившуюся жизнь. «Я просто беру от жизни все!» – заявляет человек, напивающийся до потери сознания, изменяющий супругу, ворующий, преисполненный обаянностями, лгущий. Лозунг делает порок доступным, превращает слабость в жизненную философию, становится санкцией на безудержное потакание самым низменным инстинктам под видом жизнелюбия. Это создает порочный круг: чем больше человек поддается импульсам, тем слабее становится его способность к рефлексии, тем легче оправдывать новые нарушения. В конечном итоге жизнь без отказов становится не поиском счастья, а бегством от себя – от ответственности, от необходимости выбирать между легким и правильным, от незаметно надвигающейся суровой реальности в виде душевных и телесных болезней.

Страшно представить, на что будет способен человек с этой установкой, имеющий естественную склонность ко злу. Последствия грехопадения – не метафора, а глубинная черта нашей природы, уко-

ренившаяся в балансе между свободой и ответственностью. Эта «удобопреклонность» проявляется в том, что порочные импульсы часто кажутся менее затратными в реализации, чем добродетели. Совесть, как «голос Божий», легко подавляется стадным инстинктом: человек оправдывает свое поведение тем, что «все так делают», «я этого достоин», «это не так уж плохо», «почему другим можно, а мне нельзя». Не этим ли принципом руководствуются те, кто забирает чужую (в том числе нерожденную) жизнь, экспроприируют чужую собственность, поощряют коррупцию, объявляют институт брака устаревшим, одним словом – идут за толпой?

Поэтому неудивительно, что многие выбирают этот путь: он требует минимум усилий и ответственности, но полностью игнорирует тот факт, что подлинная свобода рождается не из потакания страстям, а из власти над ними, в идеале – в полном их преодолении.

Но возможно ли удовлетворить все страсти? Лозунг «Бери от жизни все» обнаруживает свою экзистенциальную несостоительность при первой же попытке буквального воплощения.

Лозунг «Бери от жизни все» обнаруживает свою экзистенциальную несостоительность при первой же попытке буквального воплощения

Человек физически неспособен исчерпать возможности материального мира: купить все технологии, испробовать каждое наслаждение, обладать всеми благами. Эта принципиальная невозможность обятье необъятное – не случайность, но фундаментальный закон мироздания, обнажающий тупикость потребительского подхода к жизни.

При этом само желание «брать» основывается на непонимании основополагающих законов бытия. Мысль о том, что можно что-то взять безвозвратно и без последствий, – это иллюзия, которую с легкостью продают тем, кто не хочет думать о завтрашнем дне. Представление о том, что жизнь похожа на супермаркет с бесплатными образцами, в корне неверно. В реальности жизнь – это сложная система баланса, где каждое действие имеет свою цену и последствие. Духовный закон неизбежности заслуженного воздаяния неумолимо подтверждает данный факт. О том же говорит и универсальный закон сохранения энергии: ничто не появляется из ниоткуда и не исчезает в никуда. Православные христиане знакомы с этим духовным законом не понаслышке. Если ты впал в грех, о котором раньше и помыслить было невозможно, то, скорее всего, имело место осуждение ближнего в этом грехе. Стоит что-то украдь – своруют у тебя, стоит обмануть ближнего – будешь обманут и т.д. И это не мистика, это непреложные законы Творца, Который уже в этой жизни «воздает каждому по путям его и

по плодам дел его» (Иер. 32, 19). Платить приходится всегда, пусть и с отсрочкой.

Лозунг «Возьми от жизни все» нагло игнорирует этот закон. Он предлагает сфокусироваться на акте потребления, умалчивая о неизбежной расплате. Человек может оправдывать себя приобретением жизненного опыта, возможностью самореализоваться, стремлением к духовному обогащению, но то, что берется по преступной страсти, из жадности или потакания слабости (воровство, измена, ложь, излишества), не обогащает, а опустошает душу, оставляя тяжесть, смущение и стыд. Погоня за безграничными удовольствиями, будь то бесконечные вечеринки или злоупотребление алкоголем, неизбежно выставляет счет в самой дорогой валюте – здоровье, ведь годами работавший на износ организм наказывает за излишства хроническими болезнями, зависимостями, умственной деградацией. Подобная разрушительная расплата ожидает и тех, кто ищет триумфа в неправедно добытой власти или богатстве: за минутный успех им приходится платить постоянным страхом за накопленное, одиночеством и потерей себя, а жизнь в окружении льстецов и врагов отравляет душу лицемерием и паранойей. Это же чувство глубинного одиночества преследует и тех, кто выбирает легкомысленные связи вместо глубоких привязанностей, так как постоянная смена партнеров приводит к эмоциональному выгоранию, утрате способности по-настоящему любить, и в конечном счете – к одиночеству посреди толпы, зачастую усугубленному физическими болезнями, как жестокой платой за мнимую свободу.

Очевидно, что данный «девиз гедонистов» глубоко чужд и враждебен духу Евангелия. Христианский подход к жизни диаметрально противоположен. Он основан не на бездумном потреблении, а на трезвой рассудительности, выраженной в совете апостола Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5, 21). Этот апостольский принцип – ключевой закон духовной безопасности. Христианин призван быть не всеядным потребителем, а мудрым делателем, который каждый свой шаг, каждое желание и выбор выверяет по критерию: «Служит ли это к пользе моей души и спасению? Приближает ли это меня к Богу?» Все, что не проходит эту проверку, – отсекается, каким бы привлекательным оно ни казалось. Цель жизни – не испробовать все, а собрать нетленную сокровищницу на Небесах, для чего верующий берет от жизни все то полезное, что может послужить его вечному прибытку. Спаситель прямо указывает: «Кто хочет идти за Мною, пусть отвергнется себя, возьмет крест свой и последует за Мной» (Мф. 16, 24). Эта заповедь не отрицает ценность жизни, а раскрывает ее глу-

бинную суть: истинное обретение себя происходит через отказ от эгоистических желаний. Православие называет это подвигом самоотречения – осознанным смирением низменных влечений ради возраствания во Христе. Ведь ценность жизни измеряется не выпитыми бутылками, статусными автомобилями или списком половых партнеров, а тем, насколько ты смог реализовать вложенный в тебя Богом потенциал и оправдать Его надежды. Земная жизнь – не черновик, а выпускной экзамен, в котором каждая ошибка имеет огромный вес и грозит вечными последствиями.

Здесь и вскрывается главный обман громкого лозунга. Мир говорит: «Жизнь одна – бери от нее все!» Православие отвечает: «Именно потому, что жизнь одна, от нее ни в коем случае нельзя брать все подряд!» Именно потому, что второго шанса не будет, цена каждого выбора взлетает до небес, а ответственность за него приобретает критическую, сотериологическую важность. Безрассудно растратить этот уникальный дар на погоню за призрачным счастьем – значит не «взять все», а все потерять, лишиться того Главного, единственного на потребу, что имеет смысл в этой жизни: бесценного времени, здоровья тела и бессмертной души и вечной жизни с Богом.

Человек жизнелюбив, он любит жизнь и цепляется за нее даже в самых тяжелых обстоятельствах. Но разве «любить» значит «промотать, расточить, злоупотреблять»? Разве любовь не подразумевает таких понятий, как «ценность», «бережность», «внимание», «ответственность»? Получается, что столь популярный девиз, при ближайшем его рассмотрении, оказывается вовсе не гимном жизни, а лозунгом ее разрушения, подразумевающим истребление человечества и в моральном, и в физическом смысле. И совсем нетрудно догадаться, кто автор данного призыва. Фраза, претендующая на жизнеутверждающий манифест и глубокую мудрость, на деле оказывается символом духовного обнищания эпохи, опасным соблазном, прикрывающим высокопарным слоганом путь в пропасть. Она призывает не к полноте, а к расстрате, не к радости, а к страданиям, не к свободе, а к зависимости, и в конечном счете безжалостно сокращает драгоценное время жизни. Осознание этой лжи становится первым шагом к подлинной свободе и той настоящей, глубокой, ответственной и созидающей полноте бытия, к которой призван каждый человек.

Жизнь действительно дается один раз, но не для того, чтобы истратить ее в погоне за миражами, а чтобы наполнить ее подлинным евангельским смыслом, созиная в себе то непреходящее, что не подвластно времени.

Иеромонах Роман (Кропотов)

ПОРУГАННЫЙ ДАР

Мы живем в такое время, когда ненормативная лексика стала обычным явлением среди политиков, журналистов и простых людей. Однако сквернословие опасно с духовной точки зрения. В чем его гибельность и чем может обернуться привычка к нецензурным выражениям? Об этом мы беседуем с протоиереем Владимиром Пархоменко.

— Когда слышишь, как люди матерятся, испытываешь презрительное чувство. Становится и за человека неловко, и самому противно. Почему же это так широко распространено?

— С точки зрения церковной, причина только одна — духовная неразвитость, неграмотность, нечестность людей, даже мало-мальски знакомых с христианским вероучением.

Я застал духовенство, которое после войны исповедовало и воцерковляло фронтовиков. Из их воспоминаний и опыта священников, побывавших на войне, известна масса историй о том, что во времена тяжелейших моментов на фронте многие давали Богу обеты, чтобы выжить. И интересный факт: спонтанно чаще всего давался именно обет не сквернословить.

Вот сидят люди в окопах под обстрелом: «Господи, сохрани мне жизнь. Я обещаю Тебе, что больше...» — и первое, что говорили в этом страхе смерти: «...не буду материться». Такая, знаете, интуиция души. И надо сказать, что те, кто давал такие обеты, по одному или даже коллективно, и выполнял их, оставались живы.

— Можно ли как-то вне религиозного контекста объяснить людям, что сквернословие — это опасное явление? У меня каждый раз сердце кровью обливается, когда я вижу юных, милых девочек, идущих по улице и разговаривающих друг с другом матом...

— Я и сам некогда был «в шкуре» безрелигиозной, можно так выразиться. Молодые люди ругались, что очень страшно, но при девчонках — никогда. Был такой своеобразный негласный кодекс чести. Сейчас можно попробовать сформировать какой-то внешний кодекс, сформировать представление о том, что сквернословие — это некрасиво, уродливо, примитивно, но светскому человеку, безрелигиозному на духовном уровне, вы ничего не объясните. Так что, думаю, вряд ли настоящую опасность матерной браны до человека неверующего можно донести.

— А почему именно подростки так активно матерятся? Взрослые люди, прекрасно зная эту лексику, все-таки по большей части сдер-

живаются, хотя бы в публичных местах...

— Потому что у подростков снижены социальные барьеры. Это естественно, на то они и подростки, что у них такие пассионарные настроения, такое состояние души, обостренные реакции, настрой на вызов,? — и поэтому для них внешние нормы, правила приличия менее значимы, чем для взрослого человека. У них есть ощущение, что материться — это круто, и они будут ругаться до тех пор, пока «крутость» не будет другим — не ругаться. И надо формировать у них отношение к мату как к скверне, к гнили какой-то. Но проблема в том, что сквернословие сегодня поразило семью. Взрослые дома при детях ругаются! Вот самое страшное явление. Мне доводилось видеть в Интернете ролики, где родители умиляются тому, как смешно их малыш ругается матом. Он их наслушался, научился, и им забавно. Но очень скоро это не будет забавно. Дети имеют свойство расти, и расти быстро, поэтому через некоторое время тем же родителям будет с этим ребенком нелегко.

— Но ведь мат настолько уже глубоко живет в нашем языке, что люди совершенно беззлобно на нем разговаривают, произносят от восторга, например, или от удивления. Это опасно или нет?

— Это вообще уже следствие деградации. Когда в гневе, в страшной злобе у человека вырывается брань — это хотя и плохо, но хотя бы понятно, по назначению, что называется. А когда вот так... Это как с туалетной бумагой: если вы ее не по назначению используете — от радости обмотались и пошли по городу, ну это уже крайняя форма безумия. То же самое и с матом.

Это как раз показатель того, что люди совершенно не сознательно относятся к дару, которым они обладают, — дару слова. В Евангелии от Матфея есть слова, которые лично меня ужасают. Господь сказал: *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Мф. 12, 36–37)*. С религиозной, духовной точки зрения каждый должен понимать, что дар слова человеку — это один из тех самых талантов, о которых Господь говорит, что Он за них спросит, как мы их в своей жизни использовали.

Святитель Иоанн Златоуст, рассуждая о многословии, задается вопросом: а в какую меру человек должен говорить? Он же не может все время молчать — это же дар, ему данный, поэтому, с одной стороны, человек не может слишком мно-

го говорить, с другой стороны, человек не может постоянно молчать, если только не дает обет молчания ради каких-то благих целей. Так вот, святитель высказывает замечательную мысль: говорить нужно только тогда, когда это приносит пользу. Неважно какую: когда мы общаемся на бытовом уровне, это тоже законное использование дара слова. Но польза должна быть — тебе, ближнему. А если слово может принести вред, тогда лучше не говорить. А поскольку мат всегда приносит вред, его вообще не должно быть.

Мат вошел в жизнь тех людей, которые это допустили. Но из опыта знаю, что это можно преодолеть. Если человек ставит себе цель исправиться, он ее достигает.

— Не кажется ли Вам, что свою лепту в распространение мата внесла дискуссия о том, можно ли использовать мат публично — в литературе, в кино?

— Я помню эту дискуссию, даже помню главный аргумент: «Ну литература же должна отражать реальность! Поэтому если в жизни мат присутствует, то писателям и кинематографистам его можно и нужно использовать». Но я знаю массу талантливых писателей, которые описывали реальность без всякого матца. Шукшина, например, почитайте. Потрясающе! Масса рассказов о жизни народа, и всё ухитрялся без матца достоверно описывать. Всё очень реально, подробно, с любовью к людям. То есть это надуманная проблема.

— Мат часто воспринимают как проявление свободы, независимости от чужого мнения...

— Глупость! Это как, простите, пойти на улицу без штанов. Некоторые, кстати, так и считают: дескать, пойти без штанов на улицу — это знак протеста, знак свободы. Если так примитивно выражать свое мнение, свою свободу — это просто такой низкий уровень понимания свободы, и всё. Зачем к этому скатываться? Мат живет именно как проявление духовной разнуданности, духовной деградации человека. Церковь никогда это не примет, потому что Она живет учением Христовым, которое направлено на то, чтобы возвысить человека до такого величия, к которому он действительно способен как носящий в себе образ Бога.

— Мат как явление всегда был распространен, во все времена? Или это примета нашего времени?

— Российское государство всегда было христи-

анским, и с матерщиной даже законодательно боролись. Насколько я помню, при Иоанне Грозном за него били батогами, при Петре I были штрафы. При государе Алексее Михайловиче, отце Петра I, женщина, уличенная в матерной бране, лишалась возможности вступить в замужество.

В житиях святых и в источниках, которые фиксировали чудеса, есть масса историй о том, как люди приезжали к святым или к их мощам, чтобы попросить об исцелении от страшного недуга сквернсловия, и это исцеление получали. То есть мат настолько входил в их жизнь, что просто так, своими силами они уже не могли с ним справиться. Но с Божией помощью все-таки справлялись.

— То есть когда человек ловит себя на подобном — это такое искушение, испытание?

— Да, и это надо отсекать, потому что во времена молитвы не нужно анализировать, откуда это все. Просто надо это внутренне отвергать, отторгать от себя. Ведь одно дело, когда у человека есть на-вык, когда его ум привык к нецензурным выражениям, — тогда это может быть и собственная мысль. А если такой привычки нет, то чаще всего это просто бесовская пакость. Потому что огромное количество хульных, злых, скверных мыслей — это продукт деятельности демонов, падших духов.

— Нужно ли как-то планомерно бороться с матом в обществе?

— Это необходимо! Я, помню, однажды обрадовался, когда пришел в одну контору, а у них на дверях листочек с надписью: «У нас матом не ругаются». Прекрасно!

Но в целом сегодня в обществе какое-то очень терпимое отношение к мату, и это один из признаков деградации общества. Если, к примеру, в стране распространяется СПИД, любой нормальный врач скажет, что это плохо, опасно. И я как священник, как духовный врач тоже могу свой диагноз поставить. Распространение матца, которое мы видим сейчас, — это очень плохо и опасно!

Вообще, я уже давно в рамках изучения в школе русского языка сделал бы отдельный параграф — «О красоте языка» или «О величии языка», и детям в пятом-шестом классе объясняли бы, что такое порча языка и к чему она приводит. Но дело в том, что культурой нельзя заниматься без религии, она без религии не существует. Это бого-словский тезис, который вы ничем никогда не опровергнете. Культура вышла из религии, и без религии она заканчивается. Это факт.